

Руслан Дзкуя

МИНИАТЮРБИ

КАРП

Бабушка принесла из магазина огромного карпа. Она еле вытащила его сумки, так он был велик, и, победно поглядывая по сторонам, уложила на разделочную доску. Карп был совершенно невозмутим.

Бабушка достала сковородку, приготовила муку, лук, постное масло, выбрала зелень и соленые огурчики, а я вышел из кухни вон, чтобы не мешать. Час с лишним там совершалось волшебное действие. Слышен был стучащий нож и шипение масла, и скоро по всему дому разнесся дивный аромат жареной рыбы.

Наконец, меня позвали обратно: пора было обедать. На столе, на тусклом фаянсовом блюде, лежал величественный карп, украшенный зеленью и обложенный маленькими солеными огурцами. Вид у него был надменный, словно он хотел сказать «Кто вы такие?», да передумал. Домашние мои, рассаживаясь, радостно зашумели стульями, а я полез в шкафчик за водкой...

Мама моя нередко говорила, что у меня нет головы. Женщины, случалось, упрекали в том, что у меня нет сердца. Но печень у меня точно есть! Я убедился в этом в ту же ночь. О, этот чудный карп вышел мне боком. Я ворочался, вставал, чтобы выпить лекарство, я охал и стонал во сне, и всю ночь мне мерещился надменный и осуждающий взгляд жареного речного короля.

МЯСО

Однажды я надумал жениться. Барышня, которой я оказывал знаки внимания, была не против, однако со стороны маменьки я ожидал затруднений.

Бывая у них в доме, я вел себя отлично: локти на стол не ставил, чай размешивал аккуратно и разговаривал негромко. Однако чувствовалось, что до полного доверия еще далеко, а потому заводить разговор на тему «Я сделаю все для счастья вашей дочери» было преждевременно.

Случай помог мне найти выход.

Придя однажды во время, предшествующее ужину, я застал маменьку в размышлении, что бы сделать из куска говядины, который она держала в крепких своих руках. И тут Господь меня надоумил. «Позвольте, я мясо пожарю!» — сказал я несколько даже развязно, пытаясь скрыть испытываемое мной беспокойство. Маменька с удивлением поглядела на меня, потом покосилась на мясо, как бы оценивая вероятный уцерб, и пожала плечами: «Пожалуйста».

Волнение охватило мое сердце. Я понял, что судьба моя теперь полностью в моих руках. Я взял деревянный молоток и слегка отбил мясо, потом заглянул в холодильник, нашел там горчицу и старательно его натер. Немного подумав, я посолил кусок с двух сторон, затем раскалил сковороду, бросил на нее сливочного масла и, наконец, водрузил на неистово шипящее лоно уже готовую ко всему размякшую говядину. Я не отходил от плиты ни на шаг, каждую минуту переворачивал мясо, не давая ему пригореть, и буквально через четверть часа у меня получился хорошо прожаренный кусок говядины, пусть и куда меньший, чем был, но все-таки достаточный, чтобы хватило на двух женщин и одного мужчину, скрывающего свое пагубное пристрастие к обжорству. Гарнира я не делал, а просто порезал свежие огурцы, помидоры и половинку желтого перца, после чего предложил всем пожаловать к столу.

Маменька отрезала себе небольшой кусок мяса, пожевала его вполне еще крепкими зубами, несколько удивленно взглянула на меня и — улыбнулась. «Участь моя решена, — мелькнуло у меня в голове. — Я женюсь».

ПЕРВЫЙ

Хорошим майским днем я шел по незнакомой улице подмосковного города N. Никогда прежде я здесь не был, но помнил объяснения: встать спиной к станции, идти прямо до второго перекрестка, повернуть направо.

Меня ожидало дело, и довольно важное, денежное, однако времени у меня было с запасом, так что я шагал себе не спеша, нимало не заботясь, чтобы не сбиться с пути: городок маленький, выстроен просто, где тут с пути сбиться.

Ветерок дул, листва шумела, и погода способствовала настроению, я даже, помнится, напевал что-то легкомысленное, типа «Только раз бывает в жизни встреча...»

Улица была пуста: ни машин, ни пешеходов. Я разглядывал смешные провинциальные вывески и вдруг заметил одну, несоразмерно большую, на которой огромными буквами, но вместе с тем изящно было написано слово «Парикмахерская». Меня позабавила эта вывеска, я даже на другую сторону перешел, чтобы разглядеть ее получше, и тут на крыльцо вышла милая барышня в форменной белой блузке.

Увидев меня, она приветливо заулыбалась и сделала шаг ко мне. «Заходите, пожалуйста, — колокольчиком зазвенел ее голос, — я сама вас постригу».

Девушка была так хороша, а взгляд ее так чист, что отказаться было выше моих сил. Я зашел внутрь, в совершенно пустой зал — ни парикмахеров, ни клиентов, и сел в кресло. Барышня укутала меня белоснежной простыней...

Клянусь, я был у нее первый!

Эта милая робость, эта очаровательная неумелость говорили лучше всяких слов. Иногда она делала мне больно и виновато ойкала. Иногда ее ножницы соскальзывали и клацали прямо возле моего горла. Но я не пугался. От ее нежных рук исходил терпкий аромат Poison, не слишком подходивший столь юному существу, но кто бы на моем месте стал обращать на это внимание?!

Через пятнадцать минут все было кончено. Я поднялся на затекших ногах и с опаской поглядел в зеркало. Оттуда на меня смотрело растерянное лицо Кисы Воробьянинова. Мне осталось лишь поблагодарить и пойти прочь.

Я шел по улице, потрясенный случившимся, и поминутно ощупывал свою клочковатую голову. «Это май-баловник, это май-чародей», — звенело вокруг.

«Веет свежим своим опухалом», — вслух произнес я, с ужасом думая, как же мне теперь предстать в таком виде перед ожидающими людьми...

ДИВАН

Диван, стоявший у нас на кухне, совершенно вышел из строя. Он вел очень скромный образ жизни, лишь изредка принимая в свои объятия гостя и столь же нечасто будучи участником больших домашних обедов. Но не уберегся: матрац его стал рыхлым, как сдувшийся шарик, и не то чтобы спать, но даже и сидеть на нем стало затруднительно.

Вздохнув, мы принялись искать ему замену. Неделью мы ходили по магазинам, потом еще столько же рылись в интернете, пока, наконец, не сыскали скромное, однако же изящное творение подмосковной мебельной фабрики, подходившее нам по вкусу, цвету, а, главное, по цене.

Несколько дней мы сговаривались по телефону с магазином, потом с самой фабрикой, и вот, свершилось: нам было обещано, что в субботу, в промежуток между 9 утра и полуднем, в наш дом будет доставлен новый диван.

Еще несколько дней мы провели в счастливом ожидании, а в пятницу позвонили прямо на фабрику, чтобы удостовериться, что договоренности остались в силе, и покупка наша будет препровождена в оговоренные сроки. «Не волнуйтесь, — уверенно сказала нам дама, представлявшая интересы отечественного производителя. — Экспедитор позвонит вам за час до того, как они подъедут. Никаких хлопот: привезут и поставят».

Звонок раздался в 5 часов 54 минуты.

Если вам случалось просыпаться в субботу в 5.54 от внезапного звонка, вы меня поймете.

Я долго не мог сообразить, чего от меня хочет жизнерадостный молодой человек на другом конце провода, и почему я вообще должен знать, что он уже куда-то выезжает. Однако постепенно сознание вернулось ко мне.

«Скажите, а почему так рано?» — робко спросил я. «Да ведь пробки кругом. Мы уж решили выехать пораньше», — простодушно объяснил он. Спорить я не стал.

Ровно в 6. 43. дверь нашей квартиры открылась, и на кухню бодро прошагали двое атлетичных молодых людей с диваном в руках. Они поставили наше сокровище посередине кухни и с достоинством удалились.

— [НО] —

О, моя Родина! О, чудная страна, где купленный диван приносят в субботу в 6.43 утра. Как же я люблю тебя. Как люблю я своих сограждан, что готовы не спать, только бы выполнить данное обещание.

Страна моя, любимая моя страна. Ты прекрасна и непобедима

